

Вспоминающие сегодня о Леониде Губанове (1946 - 1983) щедры на эпитеты: некоронованный король поэтической Москвы, поэт драматической судьбы... Любят толковать о его мистическом даре предвидения: отмеренный ему срок жизни Губанов в самом деле угадал с точностью до месяца. Рассказывают о скитаниях по столице со свитой восторженных почитателей в поисках аудитории...

Словом, имя поэта обрастает легендами, домыслами, так что иной раз усомнишься - не вранье ли? Предлагаю вниманию читателей фрагменты из книги "Профили на серебре", посвященной творчеству и судьбе Л. Губанова (выйдет в нынешнем году в издательстве "Обновление" тиражом в 10 тыс. экземпляров), хочу заметить: я не намеревался писать биографию поэта или литературоведческое исследование. Джинн был рабом лампы - я раб факта. Из разрозненных воспоминаний, дневников, писем и иных документов пытался я слепить нечто вроде мозаичного портрета поэта на фоне эпохи.
ЮРИЙ КРОХИН.

"ДАЙТЕ КАПЕЛЬКУ ПОВЫТЬ МОЛОДОЙ ОСИНЕ СЕРДЦА..."

Ты всегда незримо сопутствовал мне. Леня. Я бредил твоими стихами, безостановочно бормоча:

*В другом бы веке не простил.
В другом бы веке загордился.
В другом бы веке в масть костил
И в угли головой стелился.
В другом бы веке сапоги
Надел и хутора тревожил.
У браги в берегах не лги!
В другом бы веке лез из кожи
И дал пощечины своим
Мечтам, тревожным и горбатым.
В другом бы - все пересолил.
В другом бы веке спугал карты.
Ну итак далее, все длинное стихотворение - как молитву. Или вот это:
Я нагадал, что ты одна,
И желтый дом уже не страшен,
И грусть выходит рельс постарше,
И грусть белее полотна...
Я нагадал, что ты одна.*

Поверишь ли, я пьянел от этих стихов, точно от вина. Была какая-то неизъяснимая магия в них - в ломке ли привычных форм, в пренебрежении ли нормами грамматики, не говоря уже о пунктуации?

Таинственный гений-мальчишка, поэт-ровесник, ты безупречно точными ударами накачивал официальную поэзию, каждым новым стихотворением поворачивал "шестидесятников" в предынфарктное состояние. В шутку и всерьез предвидел грядущую известность:

*И Венеция, и Вена,
И две шлюхи из Милана
Позабудут стиль Верлена
И полюбят стиль Губанова.*

Тебе приписывают такое объяснение причин, почему Евтушенко не слишком стремился помочь с публикацией твоих стихов: "Он понял, что на него идет мальчик с пистолетом!"

Не повинился ли невольно и Вознесенский, когда сетовал: "Плохо, если муза засидится в девках... Так затянуло невниманием свежие голоса Аронова, Губанова, Трофименко... Талант раним, он может очерстветь, обтираясь о редакционные пороги".

Впрочем, и это мимолетное упоминание оказа-

лось для тебя ну, если не праздником (чему радоваться-то?), то во всяком случае неким подтверждением своей поэтической значимости. Говорят, ты схватил номер "Литературки" со статьей Вознесенского и отправился к теще и тестю: мол, видите, меня знают!

И Евгений Александрович, скромно и одиноко возникший на вечере памяти Губанова, - четыре года уж минуло, как тебя не стало, - кажется, испытывал чувство вины; по крайней мере удержался, чтобы не прочитать к случаю сочиненные стишки, чтобы не поделиться воспоминаниями, как сужал иной раз червонцем, как поил водкой...

Когда же над замороженным залом тягуче и надрывно поплыл голос, мне вдруг пригрезилось, что это ты "живьем", повернувшись в профиль (над сценой висел увеличенный фотопортрет), читаешь:

*Я. Я. Я.
Я ли? Я ли? Я ли?
Яр. Яр. Яр.
Ябед. Ябед. Ябед.
Ю.Ю.Ю.
Ю ли? Ю ли? Ю ли?
Юн. Юн. Юн.
Пули. Пули. Пули.
Пыль. Пыль. Пыль.
Странно. Странно. Странно.
Был. Был. Был.
Рана. Рана. Рана.
Дашь, дашь, дашь.
Хмель. Юг. Рекруты.
Ваш. Ваш. Ваш.
М.Ю. Лермонтов.*

В твоей ворожке была нечеловеческая сила и страсть, и даже плохонькая магнитофонная запись доносила ее лучше, чем печатный текст. "Мой голос - кораблекрушение", - обронил ты, и добавь к этому нечего.

... Ты равно свободно и изящно примерял офицерский сюртук молодого гения (наверное, самого молодого из живших в прошлом веке!), застреленного в Пя-

тигорске, как и цилиндр, и крылатку другого, сраженного на Черной речке. Меж тобой и ими возникла неосозаемая связь. Ни фамильярности, ни излишнего пиетета: просто - после смерти нам стоять почти что рядом... Экзальтированные поклонницы сравнивали тебя с Пушкиным; я бы упомянул Моцарта - было нечто моцартовское в легкости, с которой ты творил, импровизировал. И не вижу никакого бахвальства в твоём будничном заявлении: "В поэзии я - как рыба в воде".

Но это осознание пришло позднее; вначале были безудержно равнявшиеся наружу слова, петок стихотворчества, искавший адекватного выражения. Так, скажем:

*Дайте небо головы
В изразцовые коленца.
Дайте капельку повить
Молодой осине сердца!*

Этот сердечный вой ошеломлял, шокировал, вызывал оторопь.

- В 1965 году совет эстетического воспитания Дома культуры ИАЭ имени Курча-

това устроил вечер молодых поэтов, - рассказывает кандидат физико-математических наук Л. Дроздов. - Наибольшее впечатление из всей плеяды произвел Леня. Я сказал жене: "Это гениальный поэт". Запомнил фамилию: Губанов. Манера чтения своеобразная, не опоченная, не мастерская, - крик души. Он находил такие необычные сочетания слов, так сталкивал их, что буквально летели искры, - слова, которые трудно связать по смыслу, а он сталкивал. И это составляло его индивидуальность.

Леня мог позвонить или заглянуть в совершенно неурочное время, - жаждал, чтобы его выслушали, приласкали. Порой трудно было объяснить ему, что нам завтра на работу, - он не представлял себе нашей жизни. Но не обижался, когда я от-

казывался приехать...

- Меня поражала в нем, - продолжает Люсьен Николаевич, - непреложная вера в свой внутренний камертон, точное знание - что сделал значительного, а что - проходное.

Ужас и мрак жизни Леня ощущал острее и глубже, чем кто-либо. Притерпеться, приспособиться он не мог. Попытки рисовать, жить упорядоченно были островками, на которых Губанов не удерживался.

Можно скорбеть, что Леня не достиг тех высот, которых мог бы достичь. Но он не деградировал, не опустился ниже собствен-

ного уровня. Последние стихи он считал очень удачными. Среди них действительно были шедевры!

... Когда он умер, было жуткое ощущение несправедливости - вот ушел человек, умевший так хорошо говорить! Хоронили его молча. Собралось человек тридцать, была общая подавленность, растерянность. Ужасная смерть! Какая тут, к черту, поэзия...

*Умер я, сентябрь мой,
Ты возьми меня в обложку.
Под восторженной землей
Пусть горит мое окошко...*

- На примере Лени Губанова, - говорил мне Евгений Борисович Пастернак, - с трагической яркостью видно, как социально-политическая эксплуатация искусства ломает кости молодым, талантливым - независимо от того, таскают их на допросы или делают знаменитыми. Биографии многих наших поэтов изуродованы зажимом или эстрадной легкой славой.

Несвобода, в которой оказался Леня, была гибельна. И стихи его - свидетельство, с одной стороны, огромного дарования, с другой - его травли.

Леня, ничего из настоящей жизни художника не поняв, попал в обстановку наркотической. Последние стихи оставляли впечатление одного многообещающего произведения, которое он без конца сочинял и читал...

- Я не могу пересказать все те кошмары, в которые он попадал, - сказал Евгений Борисович, - у меня было лишь ощущение испуга за него. Так или иначе - его прикончили...

Как тут не вспомнить Владислава Ходасевича: "В известном смысле историю русской литературы можно назвать историей уничтожения русских писателей!"

Леня предсказывал: появятся губановеды. Думаю, пророчеству его пришла пора сбываться, тем более, что Губанов не ошибался. Стихи Губанова, мир его образов и тем, будь весь этот лирический массив вынесен на суд читателей, произведут переворот в устоявшихся представлениях о поэзии 60-х и 70-х годов.

На снимке: Леонид Губанов и Наталья Кирилличина.

(Фото из архива автора).